

Стояла первая неделя Великого поста, в утреннем поезде Вологда - Череповец ехал в основном свой народ - вологодский: возвращались из города сельские жители, командированные, дачники, пожилые люди, решившие навестить своих родственников. Да мало ли деловых и родственных связей соединяет жителей Вологды и Череповца.

Поезд набирал скорость. Замелькали пригородные леса. Утопающие в снегах могучие ели навевали противоречивые чувства чего-то домашнего и сокровенного, близкого и родного - и одновременно сурового, далекого и отчужденно-враждебного. Вспомнились стихи:

*Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.*

- Мама, а волки живут в этом лесу? - неожиданно раздался тихий детский голосок. Светленький мальчик лет шести с грустными глазами сидел напротив меня и смотрел в окно. Его мать, высокая русоволосая женщина со спокойным и равнодушным лицом, ответила тихо: "Какие там волки, Иларион... Возьми лучше пирожок да поешь, ехать еще долго".

Я внутренне встрепенулась: "Иларион!" "Так зовут и моего внука. Имя-то очень редкое", - ображаюсь я к матери.

Завязался неторопливый и доброжелательный разговор. В него, правда, не включился папа Илариона - молодой плотный мужчина с наушниками, который, полуприкрыв глаза, то ли слушал музыку, то ли дремал.

Прошло часа два. Пригородный поезд шел не спеша, то и дело останавливаясь на очередной станции. Наши дружелюбные разговоры с Иларионом и его мамой были такими же неспешными, время от времени они непринужденно прерывались. И так бы ничего и не произошло, если бы новая реплика Илариона не повернула все наши отношения в иное русло. Она прозвучала как тихий взрыв...

Глядя на меня своими грустными и словно утомленными глазами, он неожиданно, без всякой связи с предыдущим сказал: "А мне почему-то иногда и жить не хочется!" Мать со скрытым раздражением торопливо ответила: "Не говори глупости! Он же снова повторил: "Я иногда не хочу жить!" После первой растерянности я спросила: "Иларион у вас крещеный?" Мать замаялась и как-то нехотя ответила: "Крещеный". "И крест носит?" - я позволила себе задавать такие вопросы, так как была очень встревожена словами мальчика и его дальнейшей судьбой. Столько уже пришлось читать и слышать в последнее время о детских самоубийствах! А ведь человек с крестом на шее никогда не сможет совершить этого страшного поступка. Мать после недолгого раздумья доверительно мне сказала: "Мы принадлежим к христианской церкви, но крест не носим. У нас свои правила. Мы не посещаем православный храм".

И тут в который раз за дорогу я изумилась. Первый раз - когда услышала столь редкое, но такое родное имя - Иларион, и теперь, когда поняла, что такие близкие и понятные мне люди, земляки, живут какой-то иной, обособленной и чужой жизнью. Чужой не только для меня, но и для них. Ведь и земля-то родная, и предки-то у нас общие. Общая у нас история тысячелетнего русского православия, общее у нас и недавнее прошлое - семидесятилетие преследований и гонений на Православную Церковь, из которого она вышла живой и полной новых духовных сил, по молитвам своих

Документальный рассказ

ИЛАРИОН

святых, в земле Российской просиявших!

Изумление мое было особенно глубоким, потому что за два часа совместной дороги мы ни разу не почувствовали своей инородности. Поэтому от неожиданности у меня вырвалось: "Но ведь вы говорите о секте!" И тут начался второй акт нашей небольшой дорожной драмы. Мама Илариона и тут же проснувшийся папа начали возбужденными, громкими и растревоженными голосами кричать оскорбления в адрес православных священников и Церкви. Пассажиры в вагоне начали на нас оглядываться.

Мне стало горько, стыдно и, признаюсь, страшно. Собравшись с духом, я сделала сначала неудачную попытку перевести разговор в более спокойное русло, умирить своих земляков и себя. Я спросила

внение, горестное понимание, что далее хорошего ждать нечего. "Прекратим этот разговор, - сказала я твердо. - Если вы действительно считаете себя христианами, то не распинайте Христа своей злобой и клеветой. Опомнитесь!" Я встала и вышла в тамбур, постояла на холоде, так как лицо мое тоже, наверное, горело - от горечи и стыда за своих земляков. А сердце сжималось от жалости к тихому, но не радостному их сыну - Илариону...

Вернувшись назад, чтобы успокоиться и разрушить нависшее надо мной отчужденное молчание, решила про себя читать псалмы. Открыла молитвенник на 23-м псалме, начала читать, и, казалось, перевернутый мир снова встал на свое место: "Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней. Той на морях основан ю есть и на реках уготаван ю есть. Кто взыдет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сердцем, иже не прият всуе душу свою, и не клясть лестию искреннему своему. Сей примет благословение от Господа и милостию от Бога, Спаса своего..."

Как-то постепенно снова завязался разговор с мальчиком. Иларион остался в стороне от суеты предшествующего взрослого разговора. У него было тихое желание простого и искреннего общения со мной. Я начала разговор на географические темы (у моего внука отец географ, поэтому он обожает подобные разговоры). Затянули игру в названия городов и рек. Шестилетний ребенок знал немного, но очень хотел узнать. Тогда я начала его спрашивать и, если он затруднялся, сама вместо него отвечала. Спрашиваю: "На какой реке стоит твоя родной Череповец?" "На реке", - был ответ. Не знал он, и какая самая большая река в России. Родители молчали и делали вид, что не замечают нашего оживленного разговора. Но когда я спросила мальчика, как называется самая большая река в Америке, папаша вдруг оживился и решил помочь сыну. Он помнил его к себе и что-то пошептал ему на ухо. Мальчик с победоносным видом вернулся назад и сообщил мне ответ: "Миссисипи!" Потом добавил заодно: "Когда я вырасту, я стану хоккеистом и уеду жить в Америку!"

О жалкие, безродные дети! Почему мы обречены узнавать сначала о чужом, не зная своего?! Или еще хуже - принимать свое за чужое, а чужое - за свое?!

Между тем приближался Череповец. Мои соседи засобирались. Им нужно было выходить на первой череповецкой остановке - в Заречье. Мимо вагона за окном замелькали кресты и памятники нового кладбища. Мальчик уже стоял одетый в проходе, готовый вместе с родителями к выходу. И тут он снова поразил меня. Опять неожиданно повернувшись ко мне, он доверительно сказал: "Здесь похоронена моя бабушка". Родители молчали, но их молчание было каким-то иным. А на меня словно повеяло стихами Н.Рубцова:

*Тихая моя родина,
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.*

- Где тот погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. -
Тихо ответили жители:
- Это на том берегу.

тогда их о том, как же они поминают своих православных предков, дедов, прадедов? "А почему вы думаете, что мы их не поминаем?" - по-прежнему воинственно ответила мне женщина. "Тогда почему же не признаете наших православных святых? Ведь они тоже наши предки - наши духовные покровители и прародители? Вот вы назвали сына Иларионом. А ведь это имя в древнегреческом значило "тихий", "радостный", то есть благодатный, и носили его многие наши православные монахи и святые, совершавшие свой духовный подвиг".

Я собиралась рассказать им еще о том, что гордостью Русской Церкви и русской культуры является митрополит Иларион, написавший знаменитое "Слово о Законе и Благодати", что он стал при Ярославе Мудром, в XI веке, первым русским митрополитом (раньше были только греческие), что в своем "Слове" он предвосхитил духовную судьбу русского народа, выразил священные глубины его души... Но мне не дали говорить. Снова начались крикливые оскорбления уже в адрес русских святых, особенно Александра Невского... Тогда на меня нашло отрез-